

Анна
Чиж-Литаш

дары Бога

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2018

УДК 861.161.1.0
ББК 84(4Бей)-44
Ч 59

Чиж-Литаш, А. П.

Ч 59 Дары Бога : роман / Анна Чиж-Литаш. — Минск :
Четыре четверти, 2018. — 228 с.
ISBN 978-985-581-184-9

Десятилетняя Алена приезжает на каникулы к бабушке. Солнце, друзья, свежий воздух, веселье – беззаботное время. Однако она то и дело сталкивается с жестокостью и несправедливостью. Познакомившись с девочкой-инвалидом, страдающей детским церебральным параличом, Алена пытается спасти ее от одиночества.

Эта книга о детстве, о том, каким оно может быть и прекрасным, и жестоким. Она – и о родителях, которые, сами того не замечая, коверкают судьбы детей. Эта книга еще и о детской любви: чистой, искренней, огромной. И самое главное: это книга о непоколебимой вере в чудеса. Они действительно случаются.

УДК 861.161.1.0
ББК 84(4Бей)-44

ISBN 978-985-581-184-9

© Чиж-Литаш А. П., 2018
© Оформление.
ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2018

Посвящается моей бабушке
Бобко Анне
Константиновне.

Спасибо тебе
за удивительное детство.
Я была счастлива.
По-настоящему
счастлива.

*Господи, Иисусе Христе, Сын Божий,
благослови, освяти, сохрани сие чадо мое
силою животворящего Креста Твоего.
Милосердный Господи Иисусе Христе,
Тебе вручаю чад наших, дарованных нам Тобою,
исполни наши моления. Прошу Тебя, Господи,
спаси их путями, которые Ты Сам веси.
Сохрани их от пороков, зла и гордости,
и да не коснется души их ничто, противное Тебе.
Но веру, любовь и надежду на спасение даруй им,
и да будут они Тебе избранными сосудами
Духа Святого, и да будет свят и непорочен
пред Богом жизненный их путь.
Благослови их, Господи, да стремятся они
каждую минуту жизни своей исполнить
Твою Святую волю, дабы Ты, Господи, мог всегда
пребывать с ними Духом Твоим Святым.*

Аминь.

Глава 1

1997 год

Беларусь, город Барановичи

Алена Синичкина, крепко ухватившись за ручки большой дорожной сумки, тащила ее по земле. Девочка то и дело останавливалась, чтобы перевести дыхание, и снова принималась за дело. Аркадий Петрович захлопнул багажник машины и глазами стал искать поклажу. Увидев, что дочка старательно пыхтит над ношей, он невольно улыбнулся и направился к ней.

– Доча, ну зачем ты взяла такую тяжесть? – он поднял сумку с земли и нежно погладил Алену по волосам.

– Папа, только аккуратно! – серьезным тоном сказала она. – Там вся моя жизнь!

Екатерина Викторовна шла позади. Услышав слова дочери, она громко рассмеялась.

– А что там лежит? – спросил Аркадий Петрович, не расслышав слова дочери.

– Куклы и игрушки. Ты не видел как она паковала сумку? – уточнила Екатерина Викторовна.

– Нет.

– Она привезла все игрушки! И то я еле уговорила не брать с собой домик для Барби. Иначе он занял бы половину «Жигулей».

– Ну и зачем тебе все это? Ты через десять минут бросишь сумку в комнате и умчишься на улицу с друзьями, – недовольно бурчал Аркадий Петрович.

– Мне все пригодится! Понимаешь?

– Конечно, понимаю, – отец еле сдерживал улыбку, которая пряталась в мелких складочках морщин на его лице.

Алена скинула туфли на крыльце и сломя голову побежала в дом.

– Бабушка! – худенькое детское тельце повисло на усталых плечах Анны Владимировны.

– Девочка моя, как же я соскучилась! – она покрывала лицо и голову внучки поцелуями. – Бог мой, ты почему такая худая? Одни кости! Вы вообще кормите ее?

– Здравствуй, мама, – Екатерина Викторовна нежно поцеловала женщину, которая уже минуту не выпускала из объятий ее дочку. – Конечно, кормим. Но ты же знаешь, что это задача не из легких! Для начала нужно ее поймать, а это порой сделать просто невозможно! Вихрь в юбке!

– Так, а где Алеся? – Анна Владимировна осмотрелась по сторонам.

– Она уснула в машине. Мы решили не будить, – Аркадий Петрович выглянул в окно.

– Бабушка, а Даша здесь?

– Да, уже приходила сегодня, спрашивала, когда ты приедешь.

– Ну тогда я побежала, – бросила Алена уже на ходу, завязывая светло-русые волосы в хвост.

– Стоять на месте! – крикнул Аркадий Петрович. – А сумка? Давай, иди разбирай вещи. Или за тебя это будет делать бабушка?

– Ну па-а-апа, – девочка жалобно растягивала слова. – Я потом все разберу, честно! – Алена стояла

на пороге, одной ногой уже находясь на улице, и ковыряла пальцем деревянную дверь. – Вот представь, ты не видел дядю Пашу целый год и, наконец, появилась возможность погулять с ним, а тебя мама заставляет разбирать сумку! Разве это справедливо? – она приподняла выгоревшие брови и укоризненно посмотрела на отца.

Улыбка проскользнула по его лицу, как он ни пытался ее спрятать, придавая лицу напускную важность.

– Иди уже! – махнул он рукой. – Но ты не ляжешь спать, пока не разложишь свои вещи по местам.

– Спасибо, папуля! – Алена, споткнувшись сначала о сумку, а затем о свои же туфли, которые валялись по разные стороны крыльца, пулей вылетела на улицу.

– Алена, обуй туфли! – крикнула в окно мама.

– Ну лето же! – бросила в ответ девочка, уже пересекая улицу.

Дом Ивы Анны Владимировны (так звали бабушку Алены) располагался в частном секторе Баранович – достаточно большого белорусского города, который уступает по площади и населению лишь своим областным братьям и Бобруйску. Местность была усеяна деревянными и кирпичными домиками, поэтому частный сектор больше напоминал деревню, расположенную вблизи города. Люди здесь жили разные: и трудяги, и любители побездельничать и злоупотребить спиртным; и скромные порядочные горожане, и эгоисты с раздутым самомнением. Но все вместе они представляли собой один живой организм, который работал бесперебойно.

Дома здесь были похожи друг на друга. С улицы к ним вели кирпичные или бетонные дорожки,

а сбоку и сзади расстилались огороды, которые и занимали почти всю территорию участков. Это была золотая жила – земля кормила и поила людей весь год. Каждое утро с первыми лучами солнца почти «деревенские» жители вставали и шли трудиться на земле. До сих пор так и остается загадкой, кто из них – солнце или люди – вставал первым. Возможно, именно шум лопат и тяпок будил желтую звезду, вытаскивая ее из-под теплого одеяла. Съедобный разноцветный ковер небрежно лежал на земле: легкий ветерок трепал зелень укропа и петрушки; ровные, словно отмеренные линейкой, грядки были устланы желтоватыми листьями огурцов; на невзрачных стеблях картофеля распускались фиолетовые соцветия, сообщая о том, что в утробе земли зарождается жизнь... Весь этот ансамбль красок неистово трепетал от прикосновений солнца и ветра.

– Мама, ты точно справишься с ними? – Екатерина Викторовна доставала из пакетов гостинцы, привезенные из дома. – Ладно, Алесья, она уже совсем взрослая, но за Аленой нужен глаз да глаз. Это просто черт в юбке!

– А то я не знаю! – Анна Владимировна хлопнула в ладоши. – Как будто ты их в первый раз оставляешь! В прошлом году было то же самое! Мне не тридцать лет, но и в свои семьдесят чувствую себя замечательно. Справлюсь! – махнула она рукой.

Анна Владимировна выглядела гораздо моложе своего возраста. Она была женщиной невысокого роста, достаточно плотной комплекции, но толстой ее назвать было нельзя. В каждом движении кипела жизнь. Она ловко справлялась с домашними делами, огромным огородом, способным

прокормить в сезон взвод солдат, и небольшим хозяйством в составе десяти куриц и собаки, которая могла быть кем угодно, но только не надежным сторожем. Несмотря на горькую судьбу, Анна Владимировна не утратила силы духа и старалась радоваться мелочам. Муж умер от цирроза печени тридцать лет назад, и женщина с двумя детьми осталась один на один с судьбой. С младшей, Катей, никогда проблем не было. Дочка училась на одни пятерки, занималась в музыкальной школе и пела в городском ансамбле. После окончания технического училища Катя познакомилась с Аркадием Синичкиным. Через полгода он сделал ей предложение и увез молодую жену в Россию, где в это время проходил службу. А вот с сыном Сергеем Анна Владимировна выпила не один кувшин горя. Жизнь уготовила для него тернистый путь, через год после свадьбы забрав любимую жену. С того дня он начал пить и буквально за год превратился в алкоголика. Жил он через улицу от матери, но, напившись, каждый раз приходил к ней и требовал денег на спиртное. Сергей не работал, перебиваясь временными заработками или сдачей стеклотары, которую каждый день собирал по округе. Анна Владимировна жалела сына больше, чем кого-либо на этой земле. Она закрывала глаза на его пьяные дебоши, оскорбления и даже побои, не решаясь вызвать милицию. «Это же мой сын, – повторяла она, – как я могу предать его». В трезвом состоянии Сергей был прекрасным человеком: добрым, трудолюбивым, любящим детей и животных. Но как только в воздухе появлялся запах алкоголя, он тут же словно надевал маску, перевоплощаясь в нечисть.

– Как Сергей? – Екатерина Викторовна виновато посмотрела на мать, как будто стеснялась своего вопроса.

– Так же, – тихо ответила она. – Ничего уже не изменится. Это мой крест.

– А это еще что? – подойдя к матери, Екатерина Викторовна показала на ее морщинистую, покрытую гребешками вен руку. Как грозовая туча, синяя гематома обвивала женское предплечье.

Анна Владимировна махнула рукой.

– Он опять распускал руки? – в глазах дочери появились слезы.

– Он не распускает руки, просто иногда как вцепится, так не отодрать! – женщина погладила больное место.

– Мама, мне обязательно нужно поговорить с ним еще раз! Может, он все-таки согласится закодироваться? В Минске делают эту процедуру! Мы заплатим.

– Он не согласится. Не о чем тут говорить, – сказала как отрезала Анна Владимировна, больше не желая разговаривать на эту тему. – Когда вы назад?

– Завтра. В понедельник Аркадию на службу.

– Так и служит на границе... Когда его уже переведут куда-нибудь, а то вы там зачахнете в своей глуши.

– Возможно, и переведут. Уже давно пора. Засиделся он на этом месте.

– Ну и хорошо, – спокойным тоном сказала Анна Владимировна. – Скоро два часа, пойдем собирать обед. Алена будет кушать?

– Ну, если мы ее поймаем, то, возможно, мне удастся запихнуть в нее пару ложек. Куда она побежала?

– К Даше. Вон они на крыльце сидят, – она отодвинула тюль и посмотрела в окно. Внучка

активно жестикулировала, что-то быстро рассказывая подружке.

– Одни кости! – снова начала причитать Анна Владимировна. – Ну, ничего, вы приедете и не узнаете ее. Я вам обещаю.

Алена бежала по переулку, спотыкаясь о мелкие камушки и теряя на ходу новые голубые поролоновые шлепанцы. Они были последним писком моды: толстая подошва напоминала слоеное пирожное из выпуклых разноцветных полосок прочного поролонa; спереди материал был заплетен в «косичку», которая покрывала верх стопы. Увидев их когда-то на рынке среди синтетического обувного разнообразия, Алена прыгала от радости, цепляясь за мамин локоть и умоляя купить их. Девочка резко остановилась и огляделась по сторонам, пытаясь найти потерянный шлепок, который валялся в траве у забора. Алена рванула назад. Шлепок был порван: «косичка», не выдержав нагрузки, разорвалась на две части. Девочка взяла находку в руки, и слезы хлынули из глаз. Она судорожно вертела его в руках, пытаясь оказать первую медицинскую помощь. Понимая, что реанимационные действия не помогают, сняла второй, засунула под мышку и босиком побежала к дому.

– Дядя Сергей! Дядя Сергей, – Алена с такой силой толкнула калитку, что та жалобно закрипела. – Помогите! – она трясла шлепанцем возле его лица, пытаясь сквозь слезы объяснить, что случилось.

Сергей плохо соображал, что хочет племянница. Ее голос громом и молнией стучал в висках – мужчина пил несколько дней подряд, ночуя под заборами соседских домов и питаясь тем, что попадет под руку. Но, увидев слезы ребенка постарался взять себя в руки.

– Не переживай, – мозолистой рукой Сергей вытер горькие слезы с ее розовых щек. – Сейчас что-нибудь придумаем, – он скрылся в сарае, держа в руках «умирающего больного».

– Только ты обязательно должен что-нибудь придумать! Иначе никак, – Алена следовала за дядей по пятам, становясь на цыпочки перед высокими столами, чтобы разглядеть, как идет починка.

Сергей достал из шуфляды самодельного шкафа суперклей, нанес его и быстро соединил порванные концы. Затем что есть сил сжал их и не отпускал больше минуты. От напряжения его лицо стало красным.

– Теперь ему нужно полежать, чтобы клей взялся.

– А сколько дней он будет так лежать?

– Думаю, завтра все будет готово. Но бегать в них уже не стоит – иначе снова порвутся.

Алена прикусила губу, стараясь не расплакаться. Она с тоской посмотрела на чудесный шлепанец, который навсегда останется «инвалидом», и направилась в сторону дома. Девочка села на крыльцо, поставив босые ноги на бетонные ступеньки, и опустила голову на сложенные руки. Бе-

локурые волосы упали на худенькие плечи, которые то и дело сотрясались от слез.

– Котик мой, ты чего грустишь? – Анна Владимировна появилась на веранде с полотенцем в руках. Она как раз готовила обед и увидела внучку в окно.

– Бабушка, я порвала шлепанец!

– Ерунда какая! Дядя починит.

– Уже починил, но мой шлепанец больше никогда не будет прежним! Бабушка, это так ужасно! Мама не купит мне новый...

Анна Владимировна присела рядом с внучкой.

– Послушай, у меня скоро пенсия, мы с тобой пойдем и вместе купим самые красивые сланцы!

Алена тут же подняла голову и бросилась в объятия к спасительнице.

– Милая моя бабушка, я тебя так люблю!

– Ой, лиса! – она потрепала Алену по светлым чуть вьющимся волосам.

Обнявшись, они несколько секунд сидели в тишине, слушая дыхание и стук сердец друг друга. Нарушила молчание Алена.

– Даша рассказала мне, что Катя с родителями переехали в город...

– Да, они продали дом.

– И теперь будут жить в квартире? А как же Жужик и Леопольд? – Алена вспомнила маленькую собачку и лохматого кота, которых так любила. – Они забрали их с собой?

– К сожалению, нет. У них маленькая квартира.

Алена вскочила со ступенек.

– Как же так? – воскликнула она, и ее губы снова задрожали. – И где они теперь будут жить?

– Их отдали соседям, пока те не подыщут для животных новый дом.

– Разве так можно?! – Алена негодовала. – Разве можно бросать друзей только потому, что появилась новая квартира! Как Катя могла так поступить! – из детских глаз брызнули слезы.

– Вряд ли Катя могла что-то сделать. Так решили ее родители. Я думаю, что она очень переживала...

– Могла! Она могла попросить их! – Алена стояла на своем. – Я не прощу этого Кате! Хорошо, что она уехала!..

– Не надо так. Пойми, милая, иногда обстоятельства сильнее нас. И нам приходится принимать решения наперекор голосу сердца. Во взрослом мире так бывает.

– Я не буду взрослеть! В моем мире такого нет! Анна Владимировна, не выдержав, рассмеялась.

– Пирожок мой, но тебе придется повзрослеть, так устроена жизнь.

– Ладно, я повзрелею, – с серьезным лицом ответила внучка, – но я буду другой! Вот увидишь! – она снова села на крыльцо. – Бабушка, но я видела, что дверь в Катин дом открыта. Там кто-то живет?

– Его купили новые жильцы.

– И кто они? Там есть дети? Было бы здорово, если бы там жили дети...

Анна Владимировна замялась, подбирая нужные слова.

– Понимаешь, котик, там есть дети, точнее, девочка. Кстати, твоего возраста...

– Ух ты! – Алена перебила бабушку и ловко спрыгнула с крыльца. – Я побегу познакомлюсь.

– Подожди! – резко крикнула Анна Владимировна.

Алена удивленно и одновременно испуганно посмотрела на бабушку.

– Эта девочка... Ее зовут Женя... Она не совсем здорова...

– Может, ей нужны лекарства? Я могу сбежать в аптеку! Или ягоды? Давай я нарву ей баночку смородины или поречек¹! – девочка в предвкушении потеряла маленькие ладошки.

– Ей это не поможет, – Анна Владимировна снова замялась, мысленно ругая себя за то, что заранее не подготовилась к такому разговору. – Девочка не может ходить, – наконец сказала она.

Алена тихонько села рядом и внимательно посмотрела на бабушку.

– Она передвигается в инвалидном кресле.

– И эта девочка не сможет ходить больше никогда? – в глазах внучки было столько сострадания, что Анна Владимировна не решилась сказать ей правду.

– Я не знаю. Наверное, сможет. Но лечение очень длительное. Возможно, оно займет много лет.

– Ничего страшного! – Алена снова улыбалась. – Главное, что девочка сможет ходить!

– И еще. Она почти не умеет разговаривать.

– Это как?

– Ну, у нее проблемы с речью... Но она все понимает и хорошо изъясняется жестами.

– А ртом, как я, она не может говорить? Я не понимаю тебя, бабушка.

– Ну, представь, что у тебя полный рот каши и ты не можешь произнести ни слова.

¹ Красная смородина (бел.).

– А я выплуну кашу или проглочу ее и снова смогу говорить.

– Вот видишь, а она не может ее выплюнуть, понимаешь?

Алена замолчала. Ее бровки изогнулись, и на лбу появились тонкие складочки. Она думала. Спустя минуту девочка заговорила.

– Бабушка, это так ужасно! Ты не можешь бегать и прыгать через резинку. А еще ты не можешь залезть на дерево и нарвать спелых яблок. Или прыгнуть с разбегу в речку и окунуться с головой... Это очень плохо, – девочка разглядывала крышу теперь уже Жениного дома сквозь могучие ветки старой яблони. – А я переживаю из-за порванного шлепанца. Я такая бесстыдница!

Анна Владимировна рассмеялась, но на ее глазах выступили слезы.

– Бабушка, я не хочу новые шлепанцы! – Алена встала с крыльца и вышла за калитку.

Девочка медленно шла по песчаному переулку, обдумывая слова бабушки. Она не могла понять, как можно не уметь ни ходить, ни разговаривать. Ведь это так просто: встать и идти; или открыть рот – кажется, слова сами вихрем вырвутся изнутри. А как же приятно петь. «Я обязательно ее научу, – думала Алена. – Просто она, наверное, не знает как! Взрослые все объясняют неправильно!»

Размышляя, девочка и не заметила, как подошла к Жениному забору. Прежний, деревянный, новые хозяева безжалостно снесли, установив на его месте бетонный. Подобный дизайн только входил в моду и был не всем по карману. Алена снова шла вдоль этого мощного забора, пытаясь найти хотя бы маленькую щелочку. Когда попытки не

увенчались успехом, она обратила внимание на небольшое бревно, лежащее вблизи аккуратной стопки таких же деревянных столбиков. Толкая находку то руками, то ногами, подкатив-таки к нужному месту, взобралась на нее, привстала на цыпочки и заглянула во двор. На улице она никого не увидела, хотя входные двери были открыты настежь. Алена перевела взгляд на фасад дома: в некоторых местах он уже был обложен кирпичом, который замуровал, как ненужное прошлое, старые прогнившие доски. На окнах висели незнакомые занавески, от ветра они то и дело вылетали наружу. Когда после очередного порыва тюль снова оказалась на улице, Алена заметила силуэт, точнее, только голову и руки девочки. Это была Женя. Увидев ее, Алена радостно замахала рукой, но ответного жеста не дождалась. Женя смотрела на странную девочку, висевшую на заборе, но ни один мускул на ее лице не выдавал интереса. Еще секунда – и она одернула занавеску, силой затащив ее в дом, а затем и вовсе скрылась из виду. «Может, она просто не увидела меня?» – Алена была подавлена. Еще немного повисев на заборе, она спрыгнула и, толкая перед собой бревно, направилась в сторону дома. «Почему Женя не ответила мне? – маленькое сердце трепетало от сомнений. – Она не могла меня не видеть!»

Алена подкатила бревно к прежнему месту и, стиснув зубы, попыталась аккуратно уложить его обратно. Встав на цыпочки, она со всей силы бросила его на другие бревна. От удара поленья с грохотом разлетелась, и одно из бревен ударило Алену по ноге. От боли девочка закричала и присела. Из коленки сочилась кровь. Алена стремительно

бросилась к траве, что ровной полоской стелилась вдоль забора, сорвала подорожник, смочила его слюной и приложила к ссадине.

– Что я наделала! – девочка в ужасе обхватила голову руками. Бревна разбросало по всей дороге, перегородив проезд машинам. Непрошенная гостья испугалась, что хозяева дома сейчас же покажутся и отшлепают ее как следует. Но никто не вышел, видимо, их не было дома. Алена быстро начала складывать бревна, стараясь воспроизвести в памяти, как именно они лежали. Весили они немало, поэтому она могла брать только по одному. Укладывая их на прежнее место, девочка быстро устала. Волосы ее были мокрыми, а щеки пылали, как спелые яблоки.

– От тебя вечно одни неприятности! – Алена услышала знакомый голос. Сначала она не поняла, откуда он доносится, и огляделась по сторонам. Она чувствовала себя вором, которого поймали с поличным. Увидев вдалеке Инну, она сложила руки на груди и приготовилась к защите.

– Что ты сказала? – крикнула Алена.

– Я говорю, что ты вечно приносишь неприятности, – бросила в ответ Инна, катаясь на калитке.

– Я случайно зацепила бревно!

– Не ври! Я все видела. И как ты подсматривала за новыми жильцами, и как разрушила склад бревен. Вру-у-ушка-а-а-а! – последнее слово она умышленно растягивала, делая ударение на каждом слоге. – Я все расскажу!

– Только попробуй! – Алена, готовясь на сей раз к нападению, опустила руки на талию. – Вместо того, чтобы каркать, как ворона, пришла бы и помогла мне!